

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ВОСТОКА В НЕСКОЛЬКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А.АХМАТОВОЙ И С. ЕСЕНИНА)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15233022>

Темуров Жавохир Бахромжон угли
*преподаватель Ферганского
государственного университета*

По словам Вяч. Вс. Иванова, «русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, делящейся в опыте современности» [3: 424]. Уже поэтический псевдоним Ахматовой отсылает к Востоку: «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь стать русским поэтом, я сделала своим литературным именем» [6]. Но глубокий интерес Ахматовой к Востоку и восточной культуре начинается во время ее ташкентского периода (эвакуация). Ахматова находилась в эвакуации в Ташкенте с 1941 по май 1944 гг. В стихах этого периода она обращается к Востоку, к его природе и культуре, создавая свой поэтический миф о нем.

Во-первых, основой этого мифотворчества с помощью восточных художественных образов становится сама природа Востока, например, в стихотворении «С грозных ли площадей» (1942): «Ты прислал мне такую прохладу, / Тополями украсил ограды / И азийских светил мириады / Расстелил над печалью моей?» [1: 17]. В произведениях восточных писателей тополь – символ величия и мудрости. В устном народном творчестве используются пословицы, поговорки, фразеологизмы, где присутствует слово «тополь» (по-узбекски – «терАк»): *Qora terAk* (букв. черный тополь) – «человек знатный», который может подать руку помощи в нужный момент. *Sen ekkar teraklar kesilib ketkan* (букв. твои тополя срублены) – «твое время прошло».

В ташкентских стихах Ахматовой упоминаются фрукты, которые в мусульманской традиции считаются плодами райского сада, о чем говорится в Коране, с которым, судя по всему, Ахматова была хорошо знакома. В стихотворении «И в памяти, словно в узорной укладке» (1944) ключевым является образ граната: «И царственный карлик, / Гранатовый куст...» [1: 63]. В Коране гранат выступает символом райского наслаждения: в одном из

райских садов цветет гранатовое дерево как символ изобилия и умиротворенности: («68 وَرُمَّانٌ وَتَخْلٌ فَآكِهَةٌ فِيهِمَا») – «в котором фрукты, пальмы и гранаты (68)) [9: 534].

В стихотворении «Нам родина пристанище дала» (1943) ключевые образы Востока – розы и виноград: «Бессмертных роз, сухого винограда / Нам родина пристанище дала...» [1: 42]. «Бессмертный» указывает на то, что красота Востока не временная, а вечная, бессмертная. «Сухой виноград» – обычно, узбеки сушат виноград, чтобы он долго хранится и сохранял свои вкусовые качества (узб. «майиз» – рус. «изюм», «кишмиш»). И это словосочетание также подтверждает мысль о бессмертии.

В стихотворении «Interieur» (1944) образ Востока дается через образ луны: «Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни / На краешке окна, и духота кругом» [1: 68]. Ахматова сравнивает луну с ломтем дыни, так как обычно в Узбекистане дыню режут кусками, и эти куски напоминают раннюю луну, вид которой вызывает у автора изумление и восторг. Слово «чарджуй» с персидского переводится как «четыре канала, источника». «Чарджуй» – название одного из районов Туркменистана, который прославился своими бахчевыми культурами. Из этого района во все уголки Союза (в том числе в Ташкент) завозились эти дыни и арбузы. На базарах Ташкента бахчевые Чарджуйя высоко ценились и продавались нарасхват. На Востоке ломоть дыни или арбуза принято оставлять на подоконнике, чтобы в доме пахло сладкой дыней или арбузом.

В стихотворении «Теперь я всех благодарю» (1945) художественный образ-миф о Востоке раскрывается через символику синего (лазурного) цвета: «Я восемьсот волшебных дней / Под синей чашею твоей, / Ляпислазурной чашей / Тобой дышала, жгучий сад...» [1: 96]. Оттенки синего в восточной культуре многогранны по семантике. Они ассоциируются с магической составляющей мира, умиротворяют и настраивают на созерцание или размышления. «Ляпислазурный» (от лат. lapis – «камень») – минерал от синего до голубовато-серого цвета, лучшими считают камни сочно-синие или сине-фиолетовые, а также насыщенно голубые. Название «ляпис-лазурь» появилось в раннем Средневековье. Слово «лазурь» происходит от перс. «لاژورد» – лажвард – синий камень, лазурит. Цвет неба сравнивается с цветом лазурного камня. В персидском слово «жом» (по-русски «чаша») при переводе означает «небо», под которым живут верующие в Бога люди, внутренне и внешне чистые, которых Бог вознаградит в Судный день местом в раю. Персидский поэт XV века Абдурахман Джамии взял в качестве псевдонима именно это слово («джамий» от слова «жом» – «небесный, чистый»). Этими

образами («синяя чаша», «ляпислазурная чаша») Ахматова делает акцент на это слово: «*Joylari jannatning bog'ida bo'lsin, / Jomlarig'a kavсар ziloli to'lsin. / Bergil o'sha quyosh mayidan olib, / Afsonaviy Jamshid jomiga solib* [Да будет их место в Эдемском саду / Пусть чаши наполнятся водой «кавсар» / Дай забрать этот солнечный свет, / Легендарной тарелкой Джамшида] [8: 13-14].

Во-вторых, Ахматова мифологизирует художественный образ-человека Востока, так, в стихотворении «Заснуть огорченной» (1943) Ахматова называет героиню сказок «Тысяча и одна ночь»: «*Шехерезада / Идет из сада... / Так вот ты какой, Восток!*» [1: 22]. Это стихотворение посвящено Галине Герус (Козловской), которая в 1937 г. была сослана в Ташкент вместе с мужем, ленинградским композитором А. Ф. Козловским. В Ташкенте они были близкими друзьями Ахматовой. Г. Л. Козловская вспоминала о предыстории этого стихотворения: «*Мой муж часто водил ее гулять по старому городу, который знал и любил. Привел он ее как-то и в тот «рай», в котором были прожиты три года нашей ссылки. Два дома, два сада с черешнями и персиками, которые то цвели, то плодоносили, серебристая благоуханная джида, огромный тополь и урючина, закрывавшая половину сада. Тут было все: и виноградная лоза, и розовый куст, и арык, бегущий вдоль дорожек, где кудрявится душистая мята всех цветов*» [4]. Ахматова называла Герус «моя Шехерезада». Н. Гумилёв также питал интерес к восточным сказкам и писал о Шехерезаде в стихотворении «Об озёрах, о павлинах белых» (1917): «*Словно нежная Шехерезада / Завела магический рассказ, / И казалось, ничего не надо / Кроме этих озарённых глаз*» [2: 255].

В Ташкенте Ахматова дружила с представителями литературного круга разных национальностей – с Айбеком, Гулямом, Чусты, Каххаром, Халимой, о чем она упоминает в стихотворении «Все опять возвратится ко мне» (1943): «*Все опять возвратится ко мне: / Раскаленная ночь и томленьё / (Словно Азия бредит во сне), / Халимы соловьиное пеньё, / И библейских нарциссов цветеньё, / И незримое благословеньё / Ветерком шелестнет по стране*» [1: 56]. Халима Насырова – известная узбекская певица, которая пела песни на газели Лютфи, которого любила Ахматова.

В стихотворении «Теперь я всех благодарю» (1945) Ахматова называет ребенка «баранчуком»: «*И маленьким баранчукам / У черноколых матерей / На молодых руках...*» [1: 75-76, 96]. Поскольку узбекский и татарский принадлежат к одной языковой семье, некоторые слова стали общими. «Баранчук» – татарское слово, означающее детёныша барана (узбекский эквивалент – «кўзичОк» – барашек). В узбекском народе овца (или ягненок) – символ беспомощности, например, в узбекской пословице «кўй оғзидан чўп

олмаган» (в значении мухи не обидит) – «тихий, мягкий, нежный, беспомощный». Ребенок беспомощен, как ягненок, поэтому узбечки называют своих детей ягнятами. Образ ребенка-ягненка присутствует в переведенном Ахматовой стихотворении «Ты не сирота» узбекского поэта Г. Гуляма, которого считала его одним из лучших поэтов Азии: «Спи мой мальчик, ягненок мой белый усни. / Я – отец! Я что хочешь тебе подарю, / Станут счастьем моим все заботы твои» [5].

В-третьих, восточный образ-миф Ахматова строится на исторических аллюзиях – отсылках к историческим лицам, событиям, традициям Востока. В стихотворении «На смоленском кладбище» (1942): «Восток еще лежал не познанном пространством / И громыхал вдали как грозный вражий стан» [1: 29]. Вероятно, Ахматова имеет в виду историю с Тамерланом, который в 1395 г. пытался захватить Москву, но отступил после заступничества Владимирской иконы Божией Матери. Исторический контекст важен и в стихотворении «Это рысьи глаза твои, Азия» (1945): «Это рысьи глаза твои, Азия, / Что-то высмотрели во мне...» [1: 116]. Рысь традиционно считалась очень умным животным, ее отличительная черта – способность видеть сквозь различные преграды, поэтому ее трудно поймать. Ее остроглазость стала символом отваги. Вероятно, Ахматова имеет в виду устрашающие глаза легендарного полководца Востока Тамерлана: как указывает историк Ибн Арабшах, «глаза его были подобны свечам, но без блеска» [7].

В-четвертых, в ташкентские стихи Ахматова часто вводит художественные образы, отражающие повседневный восточный быт. Так, в стихотворении «Заснуть огорченной» (1942): «Мангалочий дворик, / Как дым твой горек» [1: 22]. «Мангалочий дворик» – на ближнем Востоке жаровня, медная чаша на ножках с широкими горизонтальными полями, двумя ручками для переноски и полусферической крышкой. Внутри мангала ставят медную или глиняную чашку с горячими (древесными) углями. Бытовые реалии вводятся и в стихотворении «Еще одно лирическое отступление» (1943): «Все небо в рыжих голубях, / Решетки в окнах – дух гарема... / Как в доме, где душистый мрак / И окна заперты от зноя, / И где пока что нет героя, / Но кровлю кровью залил мак...» [1: 51-52]. В древности у восточных ханов были гаремы. В этих гаремах содержалось, как в плену, более сотни жен. Мужчин в гаремы не впускали, поэтому окна были зарешечены. Когда тюльпаны цветут, дует сильный ветер, поэтому их лепестки разносятся во все стороны. Во время жары, окна в доме закрываются, чтобы было прохладно. «Душистый мрак» – свежий перец сушат в домах и его запах наполняет весь дом.

В стихотворении «И я все расскажу тебе» (1942) возникает образ чайханы: «И я все расскажу тебе: / Как промчался «афганец» дикий. / И чей лик на белой луне, / Что нашепчут еще арыки, / Что подслушаю в чайхане» [1: 35]. «Чайхана» – слово тюркского происхождения, которое воссоединяет в себе два слова: «чай» и «хана» – в буквальном смысле комната, где пьют чай и ведут беседу, в основном старики.

В-пятых, на создание художественного мифа о Востоке на Ахматову повлиял и ее опыт переводов восточных поэтов, в которых она выступает за сохранение подлинного духа. Переводы помогали ей освоить чужую культуру, при этом она всегда старалась сохранить дух и образность оригинала. Занимаясь переводами, Ахматова освоила чужую культуру, перевоплотилась в человека иного мировосприятия. В ее стихах преобладает «природная» точка зрения на мир, а человеческая душа вступает в согласие с законами бытия, снимается возможность «бунта» против несправедливости этих законов («природа есть добро»).

В ташкентских стихах Ахматова присутствуют восточные жанры (сиджо, двустипшие и т.д.), восточная философия природы и культуры, которые настолько сближают лирику Ахматовой с поэзией Востока, что читатель может подумать, что такие выражения, как «предвечные розы», «мой древний дом», «всезнающие уста», «мангалочий дворик», «высокий тополь», «красный мак», «баранчук» принадлежат не русскому, а восточному поэту.

В 1925 году Есенин писал: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» [Собр. соч., т. 5, с. 162]. Эту поговорку поэт использовал в стихотворении «Руки милой – пара лебедей...»:

У всего своя походка есть,
 Что приятно уху, что – для глаза.
 Если перс слагает плохо песнь,
 Значит, он вовек не из Шираза [Электронный источник 7]).

Именно, это чувствуется в цикле стихотворений «Персидские мотивы». Е.И. Наумов правильно назвал их («Персидские мотивы») «Самым ярким свидетельством новых, более глубоких светлых чувств и мыслей поэта» [4. стр. 212]. К теме Востока обращались многие русские поэты и писатели. И у каждого из них Восток показан по-разному. А большинство из них частично обращались к этой теме. Но у Есенина Восток отражается по-особому. Он мифологизирует Восток и уникальным образом возрождает его. И перед русским читателем возрождается новый легендарный Восток с его «Пери»,

«Шагане». В словарный багаж поэта вписывается и пейзаж, и слова персидские, примером этому может послужить стихотворение поэта «В Хороссане есть такие двери...»:

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог [З. т.1, стр.101]

«Где обсыпан розами порог» – обычно на Востоке пороги перед дверью украшают цветами. И этот пейзаж, безусловно, привлекает внимание поэта. «Задумчивая пери» – (перс. پری Parī) – в образе «Пери» мы обнаруживаем некоторые аспекты: – напоминающие нам о восточной мифологии (образ красивой девушки с крыльями); – напоминающие о литературе романтизма: «периды» – прекрасная Шаганэ (образ точной конкретной девушки); – восходящие к восточному представлению о периде как об ангеле, который обитает в райских садах Аллаха (с идейно-тематической стороны) В стихотворении «Хороша ты, Персия, я знаю»:

Хороша ты, Персия, я знаю
Розы, как светильники горят
И опять мне о далёком крае.
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю [З. т.1, стр.102]

Поэт очарован красотой Востока. Для него Восток – это другая, неизведанная, неведомая земля, непохожая на ту, где он родился и вырос. В этом новом мире все по-другому: и культура, и места, и обычаи, и традиции – все неповторимо, словно во сне. Восток – дело тонкое. Человек Востока – человек чувства. Он просто так не рассказывает всем о своих чувствах в душе, а выражает их с помощью различных метафор и сравнений. Например, в творчестве восточных поэтов возлюбленная уподобляется цветку. В узбекской классической литературе такие поэты, как Навои, Бабур, Атои, Саккоки, Гадои, также часто обращались к образу цветка в своих произведениях. Примером тому может послужить стихотворение “Sen gulsen” Бабура, где образ возлюбленной уподобляется цветку:

Sen gulsenu men haqir bulbuldurmen,
(Ты цветок, а я Соловей бедняк) [электронный источник 8.]

такой способ выражения людей Востока тоже привлекает внимание поэта в стихотворении “Я спросил сегодня у менялы”:

О любви в словах не говорят,

О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят [З. т.1, стр.96]

Говорят, что именно красота сделала поэта поэтом. Конечно, поэт – поклонник красоты, а творчество – продукт красоты. В стихотворении «Улеглась моя былая рана» внимание Есенина также привлекает красота восточных девушек – “пери”:

Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув чёрную чадру [З. т.1, стр.95]

Восточная “пери” – это сама Вселенная. Не простая Вселенная, а вселенная, которая скрывает в себе тайну целой вселенной. Эта тайна еще не открыта человечеством. Чтобы разгадать эту тайну, русский поэт готов на все. Чтобы завоевать сердце “Пери” он готов отдать всё, что у него есть:

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковёр ширазский подарю [З. т.1, стр.96]

Но на Востоке красота “пери” раскрывается далеко не всем. Их красота якобы сокровище, и, конечно же, сокровище всегда хранится в секрете. Восточные девушки обычно ходят с закрытыми лицами в вуали. И это удивляет Есенина. И поэт выражает свое отношение к этому:

Мне не нравится, что персиане
Держат женщин и дев под чадрой.
Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак...[З. т.1, стр.94]

Наряду с отражением прекрасного образа Востока Есенин поднимает тему любви. Для лирического героя поэта Шаганэ – служит символом красоты Востока:

Там, на Севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа...[З. т.1, стр.97]

Но, к сожалению поэта, любовная история лирического героя не продлится долго – Шаганэ любит другого:

Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала...[З. т.1, стр.97]

Любовь любого поэта падает прежде всего на его родину, на землю той страны, где он родился и вырос. Какой бы красивой ни была возлюбленная, всё равно Родина продолжает вызывать его к себе. Эта ситуация отражается и на Есенине. Поэт любит Шаганэ, ради нее готов на все (Ну, а этой за движенье стана / Что лицом похожа на зарю / Подарю я шаль из Хороссана / И ковёр

ширазский подарю), но Родина священна. Тоска по родине перевешивает тоску по “Пери”. Потеря Родины тяжелее, чем разлука возлюблённой. Земля персидская, какой бы прекрасной ни была, в ней нет земли родной, все-таки родная Рязань другая:

Не буди только память во мне
 Про волнистую рожь при луне
 Как бы ни был красив Шираз,
 Он не лучше рязанских раздолий [З. т.1, стр.97]

Поэт разочаровывается в любви и решает покинуть Восток, как бы тяжело это ни было:

Мне пора обратно ехать в Русь
 Персия, тебя я покидаю.
 Навсегда ль с тобою расстанусь.
 Из любви к родимому мне краю?
 Мне пора обратно ехать в Русь [З. т.1, стр.97]

Многие поэты и писатели создали свои собственные мифы о Востоке. Но миф, который создан Есениным, неповторим. Это не всего лишь продукт художественной фантазии поэта, не легенда, а реальный мир. В нем собраны все традиции, предания, устои, красота настоящего Востока. Восток Есенина – это не впечатление человека другой культуры, который представляет чужую для него культуру, а гимн о стране, где родилась и выросла возлюблённая поэта «Пери».

Таким образом, Ахматова мифологизирует образ Востока на следующих уровнях:

- Природа «азиатского» Востока (отсылающая в том числе к восточным поэтическим и мусульманским традициям) позволяет Ахматовой создать ощущение древнего, вечного, вневременного, «бессмертного» Востока;
- Восток мифологизируется через образы восточного человека, также отсылающие к восточным поэтическим и мусульманским традициям; одним из источников этой мифологизации была для Ахматовой поэзия Гумилева;
- Мифологизируются бытовые, повседневные реалии Востока.

При создании мифического художественного образа Востока, передачи восточного колорита, Ахматова использует узбекские слова и выражения, слова персидско-тюркского происхождения («мангалочий дворик», «хАйр», «джигит», «рахмАт», «анхАр», «арык», «чёрный райхан» и др.). Она никогда не злоупотребляет восточным колоритом – пиалой, тубитейками, аксакалами и т. д., но расширяет пространство своего «азиатского дома» до

общевосточного – Ташкент, Самарканд, Дюрмень (Дом писателей в Ташкенте), Каир, Бирма, Кашмир, Китай.

– Есенин в своём творчестве часто обращается к образу Востока. Тема Востока доминирует во многих его стихотворениях. Он старается как можно широко и разнообразно описать Восток, как он есть на самом деле. – Есенин мифологизирует образ Востока на следующих уровнях: Восток мифологизируется через образы восточного человека (Шаганэ); Мифологизируются бытовые, повседневные реалии Востока («Держат женщин и дев под чадрой») и др.

Образ Востока в нескольких измерениях (природа, человек, история, быт, традиции, язык, опыт переводчика) в творчестве двух представителей русской поэзии А.Ахматовой и С.Есенина позволяет поэтам целостно и широко изобразить Восток как «колыбель человечества», «колыбель цивилизации». Любовь к чужой культуре становится основой проявления любви и ко своей культуре, и всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

11. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. 640 с.
12. Гумилев Н. Собрание сочинений: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 2. 372 с.
13. Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы. [Сборник] / Сост. Л. Е. Черкасский, В. С. Муравьев. М.: Наука, 1985. С. 424-470.
14. Козловская Г.Л. Шахерзада. Тысяча и одно воспоминание. URL: <https://biography.wikireading.ru/253911> (дата обращения: 29.06.2021).
15. Николенко Л. Письма о Ташкенте. URL: <https://mytashkent.uz/2010/04/17/gafur-gulyam-tyi-ne-sirota/> (дата обращения: 29.06.2021).
16. Служевская И. «Так вот ты какой, Восток!..». Азия в лирике А. Ахматовой ташкентской поры. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/sluzhevskaya-tak-vot-ty-kakoj-vostok.htm> (дата обращения: 29.06.2021).
17. Якубовский А. Тамерлан – покоритель Азии. URL: https://mir-knig.com/read_417953-11 (дата обращения: 29.06.2021).
18. Abdurahmon Jomiy. Layli va Majnun. Toshkent: G'ofur G'ulom, 1989.
19. Қуръони Карим Т. Hilol-nashr, 2018.

20. https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/rutsu/22661/1/Pravosl.Istoki_2022_27_30.pdf
21. Собр. соч. – Сергей Есенин. Собрание сочинений в 5-ти томах, тт. 1-5. М., «Художественная литература», 1966–1968.
22. В первый том Полного собрания сочинений вошли стихотворения, включенные С. А. Есениным в первый том Собрания стихотворений М.-Л., Гослитиздат, 1926.
23. Сергей Есенин. Электронный сборник стихотворений в 4-х томах
24. Е.Наумов. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. М., 1960.